

ФРОЙДАГОЙЛ

ПРИКАЖИ МНЕ ОСЛУШАТЬСЯ

Дилан Харби Фройдагойл. Прикажи мне послушаться.

<https://litres.ru/74322879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то Фройдагойл сжёг целый район Весперы, подчинившись приказу, который понял слишком буквально.

Чтобы больше никогда не ошибаться, обсидиановый дракон добровольно отдал свою волю Мире Вейл — последней женщине, чей голос способен стать законом. Девять лет он был её оружием, защитником и самым преданным чудовищем. Он исполнял всё. Терпел всё. И тайно мечтал о приказе, после которого ему больше никогда не придётся выбирать.

Но однажды похищенная Мира произносит:

«Останься. Не приходи за мной».

Повиновение означает её смерть. Ослушание может снова превратить Фройдагойла в чудовище, однажды уничтожившее тысячи жизней.

Пока над Весперой пробуждается машина, способная лишить целый город воли, дракону предстоит совершить невозможное: понять, где заканчивается приказ любимой женщины и начинается его собственное желание.

Потому что настоящий раб исполнит любой приказ.

А преданный — ослушается, если иначе потеряет свою госпожу.

Содержание

Пролог	6
02:17	6
Глава 1	11
Машина, которая умела преклоняться	11
Глава 2	17
Госпожа чёрного двигателя	17
Глава 3	23
Право наказания	23
Глава 4	29
Голос под кожей	29
Глава 5	36
Город, который он сжёг	36
Интерлюдия I	42
Пепел	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дилан Харби
Фройдагойл. Прикажи
мне послушаться.

ТЁМНОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
ФРОЙДАГОЙЛ

Прикажи мне послушаться

роман

Вespera

«Преданный исполнит не каждый приказ.

Иногда он слушается именно потому, что остался предан».

— из записей дома Вейл

Пролог

02:17

В два часа семнадцать минут ночи весь город услышал голос Миры.

Он прошёл по медным водостокам, по рельсам воздушных дорог и по тонким костям спящих людей. Свечи в часовнях Голоса погасли разом. Стекланные птицы на крышах повернули головы к северной башне. Даже дождь на мгновение перестал падать — будто Вespera, этот город, не умевший молчать, задержал дыхание.

— Фройдагойл, — сказала Мира. — Остайся там, где ты есть. Не приходи за мной.

В глубине её голоса дрожала чужая нота.

Фрой услышал её. Узнал. И всё равно лёг на каменный пол гаража.

Он был машиной в эту ночь: низкий чёрный кузов без единой блестящей детали, четыре колеса, похожие на сжатые когти, два узких огня под капотом. Вдоль двери шла едва заметная трещина — след от серебряного копья. Под металлом билось сердце дракона.

Приказ вошёл в него через ошейник.

Сначала холодом. Потом удовольствием.

Все лишние дороги исчезли. Не надо было решать, насколько опасна башня, жив ли Регент, ловушка ли это, чего хочет Мира на самом деле. Ему оставили одну прямую линию: лежать. Не двигаться. Быть хорошим.

Фрой погасил фары.

По потолку гаража ползли отблески северной башни. Она пульсировала красным над спящими кварталами, хотя сто лет считалась пустой. С каждым ударом в ошейнике становилось теснее. Металлическое кольцо было зачаровано не душить, но сейчас оно сжималось глубже горла, вокруг имени.

Не приходи за мной.

Он мог исполнить это лучше всех.

Когда-то он семь дней лежал в расплавленном серебре, потому что Мира сказала: «Терпи». Когда-то позволил снять с себя живые пластины одну за другой, чтобы из них сделали щиты для Нижнего яруса. Он умел не кричать. Умел не шевелиться. Умел превращать боль в доказательство того, что её слова дошли до самой сердцевины.

Ожидание было всего лишь ещё одной пыткой.

А значит, подарком.

В ворота ударили.

Один раз. Потом второй, слабее.

Фрой не поднялся.

— Господин дракон! — раздался детский голос. — Откройте! Пожалуйста!

По двери потекла кровь. Она была тёплой; он почувство-

вал её через камень и железо. У каждого гаргула были свои извращённые органы чувств. Фрой слышал страх, как люди слышат стук каблуков. Сейчас за воротами билось маленькое сердце, а рядом другое угасало.

Останься там, где ты есть.

Он лежал.

— Я знаю, что вы внутри! — мальчик сорвал голос. — Вы её машина. Все знают. Моя сестра не дышит.

Фрой выпустил из радиатора тонкую струю пара.

Он мог открыть ворота, не меняя положения. Но это было бы действием. Приказ не оставлял таких лазеек — потому что Мира никогда не приказывала небрежно.

Мальчик ударил снова.

— Тебе приказали дать ей умереть?

Вопрос оказался больше серебра.

Фрой открыл глаза.

Красное золото вспыхнуло под стёклами фар. Кузов разошёлся вдоль невидимых швов. Колёса втянулись внутрь, превращаясь в суставы; двери раскрылись четырьмя угловатыми крыльями. Машина встала на когти, заполнив гараж обсидиановым телом. Длинная морда коснулась ворот.

Ошейник обжёг его.

«Хороший», — шепнула память голосом Миры.

Фрой остановился.

В первый раз за девять лет он спросил себя не о том, что она приказала.

Он спросил, чего хочет.

Ответ был крошечным, почти недостойным дракона: что-бы девочка за дверь вдохнула.

Он распахнул ворота.

Мальчику было лет двенадцать. Он стоял по колено в чёрной воде и держал на руках девочку, слишком тяжёлую для него. Половина её лица была залита кровью. На шее серебрился знак Хора — тонкая спираль, выжженная вокруг гор-тани.

— Внутрь, — сказал Фрой.

Его голос в драконьем теле напоминал работающий двигатель.

Мальчик не двинулся. Он смотрел на клыки.

— Ты просил меня открыть, — сказал Фрой. — Теперь выбирай сам.

Это прозвучало жестоко. Наверное, потому, что первые свободные слова всегда звучат жестоко.

Мальчик вошёл.

Фрой коснулся носом груди девочки и вдохнул её боль. Она хлынула в него густым жаром: раздробленное ребро, обожжённое лёгкое, ужас, оставленный в теле чужим голо-сом. Он принимал всё, пока её дыхание не выровнялось, а собственные пластины не покрылись красными трещинами.

Ошейник продолжал жечь.

Мира велела остаться.

Мира могла умирать.

Фрой поднял голову к башне.

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика.

— Лио. А её — Аня.

— Лио, отведи сестру к Ирис Керн. Скажешь, что я ослушался.

— Она поймёт?

— Она слишком давно этого ждала.

Фрой вышел под дождь. Город встретил его сиренами. На мостах зажглись сторожевые руны; из северной башни поднялись бескрылые тени.

Он расправил четыре крыла. Они не были мягкими и круглыми — каждая плоскость состояла из чёрных лезвий, складывавшихся друг в друга, как части невозможного механизма. Между ними загорелся огонь без света.

Приказ Миры тянул его назад.

Впервые сопротивление не разрушило его. Оно дало ему форму.

До северной башни было семь минут лёта.

Фройдагойл преодолел их за шесть.

Глава 1

Машина, которая умела преклоняться

За три недели до того, как город услышал приказ Миры, Фрой остановился перед ней посреди горящего моста.

Он был машиной — чёрной, длинной, слишком быстрой для узких улиц Верхней Весперы. На его капоте догорал белый огонь. Правое зеркало было оторвано, лобовое стекло пересекала трещина. За ним, сметая фонари, мчались три судебных голема.

Мира не сошла с дороги.

Ветер прижимал к её ногам красное платье. В руке она держала перчатку, которую сняла, чтобы лучше чувствовать Голос под мостовой. Люди прятались за балюстрадой. Кто-то кричал ей отойти.

Она подняла ладонь.

— Стой.

Тормоза Фроя завизжали. Машину развернуло поперёк моста. Заднее колесо повисло над пропастью, однако кузов замер в ширине пальца от её коленей.

Двигатель рычал.

— На колени, — сказала Мира.

Чёрный металл вздрогнул.

Капот раскрылся, выворачиваясь грудной пластиной. Колёса ушли в плечи, двери разошлись лезвиями крыльев. Мгновение спустя перед Мирой стоял дракон — выше городского экипажа, длинный, угловатый, словно его выковали из остывшей ночи. Он опустил передние лапы, прижал морду к мокрому камню и раскрыл уязвимое место под челюстью.

Именно туда Мира девять лет назад защёлкнула ошейник.

Големы приближались. Их каменные ступни дробили мост, на лицах вращались судебные печати.

— Тебя обвиняют в нарушении городского запрета на превращение, — сказала Мира.

В красно-золотых глазах дракона блеснуло почти человеческое веселье.

— Меня ещё обвиняют в превышении скорости.

— Это было бы смешно, если бы за тобой не бежали три здания.

Первый голем поднял руку. Вместо пальцев у него выдвинулись серебряные штыри.

— Гражданка Вейл, отойдите от осуждённого механизма, — прогремела печать на его лице. — Объект Ф-0 признан собственностью Регентства.

Мира медленно повернула голову.

— Повтори.

Голем шагнул ближе.

— Объект является собственностью...

— Не ты. Фрой.

Дракон не шевельнулся.

— Они называли меня вещью, — сказал он.

— И что ты об этом думаешь?

Вопрос заставил его напрячься сильнее, чем приближающиеся копыя.

Мира почувствовала это через связь: маленькое смятение, вспышку голода, почти счастливое желание услышать вместо вопроса приказ. Любое решение он с радостью положил бы к её ногам.

Она не помогла.

— Я думаю... — начал Фрой.

Слово царапнуло ему горло.

— Быстрее.

— Я думаю, им не следует владеть мной.

Мира улыбнулась.

— Тогда встань.

Фрой поднялся.

Первое копьё ударило его в грудь. Серебро вошло между пластинами, и по мосту прокатился низкий звук — не стон, а довольное урчание. Чёрные крылья раскрылись. Два лезвия отсекали голему руки; хвост выбил из второго печать; третьего Фрой поймал зубами за плечо и швырнул через себя.

Каменная туша летела прямо на толпу.

— Влево, — сказала Мира.

Фрой повернулся в воздухе, подставляя крыло. Голем разлетелся о него на части. Серебряные осколки впились в перепонки. Боль вспыхнула в их связи, горячая, почти непристойная.

Мира сжала перчатку.

Она знала, что он чувствует. Не удовольствие от повреждения само по себе — боль была для него дверью. Когда она приказывала выдержать, за дверью исчезал огромный и страшный мир, полный вариантов. Оставалась она. Её голос. Её взгляд.

И это возбуждало его сильнее огня.

Последний голем попытался подняться. Фрой поставил коготь на вращающуюся печать.

— Раздавить? — спросил он.

— Ты спрашиваешь разрешения или моего мнения?

Он замер.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

Голем под его когтем зашипел:

— Объект обязан подчиниться законному владельцу.

Мира подошла и положила голую ладонь на чёрную лапу Фроя. Металл был горячим. Голос под кожей отозвался на прикосновение.

— Моё мнение: оставь его целым. Я хочу узнать, кто заменил городскую печать знаком Регента. Но решать тебе.

Фрой смотрел на неё слишком долго.

Потом убрал коготь.

Мира ощутила его разочарование — сладкое, стыдное, почти детское. Ему хотелось, чтобы она приказала. Ему хотелось расплаты за медлительность, за удовольствие, за сам факт желания.

— Прими человеческий облик, — сказала она.

На этот раз он повиновался мгновенно.

Дракон сложился внутрь себя. Крылья рассыпались чёрными полосами, пластины потекли по костям. Через несколько болезненных вдохов перед Мирой стоял высокий мужчина в тёмном пальто. Волосы у него были чёрными, как мокрый металл; глаза оставались красно-золотыми. У горла поблёскивал узкий ошейник.

Человеческий облик давался ему хуже всего. Слишком мало пространства для огня, слишком тонкая кожа для памяти.

Мира взяла его за подбородок.

— За что ты заслужил наказание?

Он ответил не сразу. По мосту ходили стражники, гасили огонь, собирали части големов. Но для Фроя толпа перестала существовать.

— Я наслаждался копьём.

— Это не проступок.

— Я хотел раздавить печать.

— Хотеть — не проступок.

Он нахмурился, почти сердито.

— Тогда за то, что заставил вас стоять на дороге.

— Я встала сама.

— Мира.

Он произнёс её имя как просьбу о пощаде, которая означала обратное.

Она провела большим пальцем по его нижней губе. Зрачки Фроя сузились.

— Сегодня наказания не будет.

Боль от этих слов оказалась такой чистой, что Мира едва не отдернула руку.

— Почему? — спросил он.

— Потому что ты всё ещё пытаешься сделать меня виновной в каждом своём желании.

Он побледнел.

Мира отпустила его и надела перчатку.

— Превратись в машину. Мы едем домой.

— Это приказ?

— Это шанс не идти пешком.

На его лице на мгновение появилось что-то живое, упрямое и прекрасное.

— Тогда я, пожалуй, откажусь.

Мира пошла к лестнице, скрывая улыбку.

Позади рычание двигателя сообщило, что свободы ему хватило ровно на три шага.

Глава 2

Госпожа чёрного двигателя

Гараж под домом Вейл был старше большинства городских храмов. В его стенах ещё сохранялись пазы для цепей, которыми первые голосники удерживали драконов. Мира давно приказала снять цепи, но следы не заделывала.

Фрой говорил, что ему нравится память камня.

Ирис утверждала, что ему нравится всё, что можно неправильно понять.

В тот вечер Фрой стоял в центре гаража в человеческом облике, обнажённый по пояс. Серебряное копьё застряло под ключицей. Вокруг раны расходились тёмные жилы, будто тело не решило, быть ему плотью или металлом.

Мира положила инструменты на стол.

— Сам вытащишь?

— Если прикажете.

— Я спросила, можешь ли ты.

— Могу.

— Тогда почему не вытащил на мосту?

Фрой опустил взгляд. В полумраке его плечи казались слишком широкими, почти драконьими. Ошейник охватывал шею матовой полосой; под ним мерцали руны дома Вейл.

— Хотел, чтобы вы сделали это.

— Зачем?

— Вам нравится причинять мне боль.

Мира взяла щипцы.

— Осторожнее, Фрой.

— Это неправда?

— Правда. Но ты сейчас предлагаешь мне не удовольствие. Ты предлагаешь алиби.

Она зажала серебро и потянула. Копьё сидело глубоко. Фрой не издал ни звука, только пальцы на краю стола превратились в когти и оставили в дубе пять борозд.

— Какое алиби? — спросил он.

— Если я велю, ты ни при чём. Если я хочу, ты можешь не признавать, что хочешь тоже.

Щипцы скользнули. Фрой резко вдохнул.

Мира ощутила, как его желание ударило в связь. Оно было тяжёлым, чёрным, горячим. Ей понадобилось всё самообладание, чтобы не надавить на копьё сильнее.

— Вы злитесь, — сказал он с надеждой.

— Да.

— Накажите меня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сейчас это награда.

Он посмотрел на неё. Обида в его глазах была почти комичной, если забыть, что эти глаза однажды видели горящий

город и не моргнули.

Мира снова потянула. Копьё вышло с влажным металлическим звуком. Из раны потекло нечто темнее крови. Фрой прикрыл глаза.

— Спасибо, — прошептал он.

Она бросила серебро в чашу с солью.

— Сядь.

Он подчинился так быстро, что стул скрипнул.

Мира встала между его коленей и прижала ладонь к ране. Голос отозвался; края плоти медленно сомкнулись под её пальцами. Фрой не дышал. Его руки лежали на бёдрах ладонями вверх — демонстративно беззащитные.

— Можешь прикоснуться, — сказала она.

Он не пошевелился.

— Фрой?

— Вы не приказали.

— Я разрешила.

— Разрешение оставляет выбор.

— Именно.

В его лице что-то закрылось.

Она убрала руку.

— Посмотри на меня.

Он поднял глаза.

— Я не лягу с существом, которое не может мне отказать.

Тишина в гараже стала звонкой.

Девять лет они ходили вокруг этих слов. Девять лет Мира

позволяла ему стоять у её кровати, согреть ладони своим огнём, преклонять колени, целовать перчатки. Иногда она связывала ему руки, иногда испытывала его выдержку, иногда доводила одним голосом до дрожи — и всегда останавливалась там, где его готовность становилась безграничной.

Фрой считал это наказанием.

Мира — трусостью с обеих сторон.

— Я могу отказать, — сказал он.

— Откажи сейчас.

— В чём?

Она взяла его за ошейник и потянула к себе. Их лица разделяло несколько сантиметров.

— Не целуй меня.

Фрой замер.

Его губы приоткрылись. В зрачках загорелось золото. Мира чувствовала, как приказ ложится вокруг его воли, хотя произнесён был в отрицательной форме. Связь не заставляла его целовать — напротив, запрещала. Но за запретом скрывался настоящий вопрос: способен ли он выбрать действие, не получив его от неё?

Он поднял руки. Пальцы остановились у её талии.

— Это ловушка.

— Да.

— Если я поцелую, послушаюсь. Если не поцелую, повинуюсь.

— Да.

— Что правильно?

— Я не знаю.

Фрой смотрел на её рот. Время растянулось. Затем он медленно опустил руки.

— Тогда я не буду.

Мира отпустила ошейник.

— Почему?

— Потому что вы просили отказать.

— Я приказала не целовать.

— Для меня это одно и то же.

— Вот поэтому мы не идём дальше.

Он встал. Человеческий облик дрогнул на нём, как плохо застёгнутая одежда.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он. — Я отдал вам Голос. Я исполнял всё. Вы девять лет учили меня быть вашим, а теперь презираете за то, что получилось.

Слова ударили точно. Мира не отвела взгляда.

— Я не презираю тебя.

— Тогда скажите, что любите.

Она могла произнести. Связь сразу донесла бы до него тепло, правду, страх. Но он снова просил слова как приказ, который избавит его от сомнения.

— Нет.

Фрой улыбнулся — без радости.

— Значит, всё-таки умеете отказывать.

Он повернулся. На ходу плоть стала чёрным металлом; к

двери подошёл дракон.

— Фрой.

Он остановился.

— Ты свободен на ночь.

Крылья вздрогнули.

Для другого это прозвучало бы подарком. Для него — изгнанием.

— Как прикажете, госпожа.

Он ушёл в дождь.

Мира осталась среди старых пазов для цепей и впервые подумала, что цепи хотя бы не притворяются любовью.

Глава 3

Право наказания

Утром на двери дома Вейл висел человеческий язык.

Он был отлит из серебра и прибит чёрным гвоздём. На кончике блестела капля крови, слишком свежая для металла.

Ирис Керн присела перед находкой, не касаясь её.

— Регент любит символы, — сказала она. — Особенно те, которые можно понять без образования.

Ирис носила кожаный фартук поверх вечернего платья, потому что пришла прямо из подпольного клуба механиков. Медные волосы были собраны двумя отвёртками. На левой щеке темнело пятно машинного масла.

— Он мёртв девять лет, — сказала Мира.

— Ты тоже иногда выглядишь неважно, но я не делаю поспешных выводов.

Мира сняла перчатку и протянула ладонь к серебряному языку.

— Не трогай, — раздался сверху голос Фроя.

Он сидел на карнизе в облике дракона, слившись с чёрными статуями водостока. Дождь стекал с угловатой морды. На ошейнике не горела ни одна руна.

— Ты вернулся, — сказала Мира.

— Ночь закончилась.

— Я не задавала срок.

— Поэтому выбрал рассвет.

Ирис посмотрела на Миру с преувеличенным изумлением.

— Он выбрал. Запишем дату?

Фрой обнажил клыки.

— Я могу съесть твою мастерскую.

— Не можешь. Там гарантийные клиенты.

Мира коснулась серебра.

Мир исчез.

Она стояла в зале без стен. Вокруг висели сотни человеческих голосов — золотые нити, каждая пульсировала словами, которые ещё не были сказаны. В центре зала находилось кресло Регента. Высокий мужчина в белой маске сидел, положив руку на подлокотник.

— Мира Вейл, — сказал он. — Ты плохо хранишь последнее чудовище.

— Адриан.

— Я скучал по тому, как ты произносишь моё имя. В нём всегда было слишком много обещаний.

— Ты умер.

— Ты приказала Фройдагойлу убить меня. Это не одно и то же.

За креслом шевельнулось нечто огромное. Мира различила очертания башни, сплетённой из гортаней.

— Чего ты хочешь?

— Вернуть городу порядок. Люди устали выбирать, Мира. Они называют выбор свободой, пока он не требует цены. Потом ищут мужа, государя, бога, ставку, случай — кого угодно, кому можно отдать ответственность.

— И ты решил стать всеми сразу.

Белая маска наклонилась.

— Я всего лишь предлагаю честную услугу.

— Поэтому вырываешь языки?

— Я освобождаю от шума. Твой дракон поймёт меня лучше всех.

Мира хотела оборвать видение, но голос Адриана изменился:

— Спроси его, что он чувствовал, когда сжигал Западный склон.

Нити вокруг неё вспыхнули.

— Спроси, почему среди восьми тысяч голосов он слышал только твой.

Серебряный язык под ладонью взорвался.

Мира отлетела к стене. Фрой оказался рядом прежде, чем осколки упали на землю. Он закрыл её крылом; серебро застучало по пластинам.

— Я сказал не трогать.

— Ты не приказываешь мне.

— Кто-то должен.

Она увидела страх в его глазах. Не за себя — за неё. Это

могло бы растрогать, если бы страх не был так похож на жадность собственности.

— Что он сказал? — спросила Ирис.

— Что вернулся.

— Это мы поняли по языку.

Фрой обнюхал осколки. Из ноздрей вышел чёрный дым.

— Здесь хорная соль. Его голос размножен.

— Значит, он строит Хор, — сказала Ирис. — Старые чертежи всё-таки существовали.

Мира поднялась.

— Что такое Хор? — спросил Фрой.

Ирис и Мира переглянулись.

— Машина дома Вейл, — ответила Мира. — Она должна была передавать приказ через весь город.

— Должна была?

— Мой отец уничтожил чертежи.

— А Регент нашёл копию.

— Похоже на то.

Фрой склонил голову.

— Почему вы не рассказывали?

— Потому что машина не была построена.

— Это не ответ.

В его тоне появилось то новое, едва родившееся упрямство, которое Мира одновременно хотела поощрить и ударить.

— Потому что Хор создавался для существ вроде тебя, —

сказала она. — Для тех, кто однажды открыл кому-то Голос. Он может взять связь, усилить её и заставить приказ звучать без остановки.

Фрой посмотрел на руны ошейника.

— Значит, Регент может управлять мной вашим голосом.

— Если получит мой голос.

— Он не получит.

— Это обещание или решение за меня?

Дракон опустил голову, приблизив морду к её лицу.

— Это угроза ему.

Ирис кашлянула.

— Трогательно. А теперь, пока вы не начали выяснять, кому принадлежит чья жизнь, предлагаю найти мастерскую, где отлили язык.

Она подняла щипцами серебряный осколок. На внутренней стороне был выбит крошечный знак: раскрытый рот, переречённый иглой.

Мира узнала его.

— Монастырь Безмолвных, — сказала она.

Фрой расправил крылья.

— Полетим.

— Поедем.

— Я быстрее в небе.

— Нас должны видеть.

Он понял. Регент послал угрозу не только им; город должен был увидеть ответ.

Дракон превратился в машину. Чёрный кузов лёг на мостовую, пассажирская дверь поднялась вверх, похожая на сложенное крыло.

Мира не села.

— Что теперь? — спросил он через динамик.

— Ты сказал: «Кто-то должен мне приказывать».

— Я был расстроен.

— Это делает слова менее твоими?

Двигатель недовольно качнул обороты.

— Нет.

— Тогда ответь. Ты хочешь, чтобы я решала за тебя всё?

Долгая пауза.

— Иногда.

— Когда?

— Когда выбор слишком громкий.

Мира села в салон. Здесь пахло кожей, дождём и тем особым жаром, который был телом Фроя.

— А если однажды я прикажу то, чего ты не хочешь?

Ремень безопасности сам обвинил её талию и защёлкнулся чуть туже необходимого.

— Тогда, — сказал Фрой, — я наконец узнаю, где кончается моё желание.

Машина рванула с места.

Мира подумала, что это худший ответ из возможных.

И самый честный.

Глава 4

Голос под кожей

Монастырь Безмолвных стоял под городом, там, где Веспера опиралась на кости прежней Весперы.

Дорога заканчивалась у затопленного тоннеля. Фрой въехал в воду, не сбавляя скорости. Чёрная гладь сомкнулась над крышей; фары прорезали зелёную тьму.

— У тебя когда-нибудь протекает салон? — спросила Мира.

— Только если хочу наказать пассажира.

— Ты опять просишь внимания.

— А вы опять делаете вид, что не даёте его.

Мира провела пальцем по приборной панели. Под кожей салона дрогнули мышцы.

— Следи за дорогой.

— Я и есть дорога.

Тоннель резко пошёл вниз. На несколько секунд они падали в воде, затем вылетели в огромный сухой колодец. Фрой превратился в дракона ещё в воздухе, поймал Миру передними лапами и раскрыл крылья.

Они приземлились на площади мёртвого города.

Здания вокруг были вырезаны из одного чёрного массива.

На ступенях монастыря сидели каменные монахи без ртов. Над входом сохранилась надпись: «Слово принадлежит тому, кто способен его не произнести».

— Ненавижу скромных людей с монументальной архитектурой, — сказала Ирис из переговорного камня в ухе Миры.

Она осталась наверху, чтобы следить за городскими линиями.

— Мы внутри, — ответила Мира.

— Я вижу. Вокруг вас тридцать семь неподвижных источников тепла.

Фрой повёл мордой.

— Статуи.

— Статуи не дышат, — сказала Ирис.

Каменные монахи одновременно поднялись.

У них не было ртов, зато в ладонях раскрылись серебряные гортани.

— Живым, — приказала Мира.

Фрой бросился вперёд.

Он бил плоскостью крыльев, ломал колени хвостом, ловил серебряные нити зубами. Монахи не сопротивлялись как люди — они наваливались, стремясь коснуться ошейника. Каждый раз, когда ладонь-гортань приближалась к рунам, связь Миры и Фроя звенела чужим шёпотом.

«Ляг».

«Откройся».

«Забудь имя».

Фрой замедлился.

— Не слушай, — сказала Мира.

Он разорвал последнюю нить и прижал одного монаха к земле. Тот продолжал шептать из ладоней.

— Живым, — напомнила Мира.

Фрой приоткрыл пасть над его головой.

— Я помню.

— Тогда почему у него дымятся волосы?

— Он мне не нравится.

В этой простой фразе было больше собственной воли, чем во всём, что Фрой сказал за утро.

Мира опустилась рядом с пленником.

— Кто вернул Регента?

Монах улыбнулся глазами. На его месте рта была гладкая кожа.

Ладонь произнесла голосом Миры:

— Сломай ему руки.

Фрой повиновался.

Хруст прозвучал прежде, чем Мира успела вдохнуть.

Монах выгнулся. Из-под гладкой кожи вырвался смех.

— Я этого не приказывала.

Фрой отшатнулся. Ужас в его глазах был не из-за сломанных костей.

— Это был ваш голос.

— Не мой приказ.

— Я не почувствовал разницы.

Монах снова поднял ладонь.

— Убей его, — сказала она голосом Миры.

Челюсти Фроя сомкнулись.

Но не на человеке. Он вонзил зубы в собственную переднюю лапу. Чёрная кровь брызнула на ступени.

— Стой! — крикнула Мира.

На этот раз он замер.

Мира схватила ладонь монаха и вдавила большой палец в серебряную гортань. Голосовая руна лопнула. Пленник обмяк.

— Фрой, отпусти себя.

Он разжал зубы. Рана уже затягивалась, но его трясло.

— Как я должен различать? — спросил он.

— Не по звуку.

— А по чему?

Она приложила ладонь к его ошейнику.

— Здесь. Настоящий приказ проходит через связь.

— Этот тоже прошёл.

— Потому что ты хотел подчиниться раньше, чем проверил.

Фрой превратился в человека. Переход был резким; он упал на одно колено. На руке остался глубокий след зубов.

— Я всегда хочу подчиниться вам.

— Вот поэтому Хор опасен.

Мира растегнула верхнюю застёжку его пальто, открывая ошейник. Под металлом кожа была испещрена тонкими зна-

ками — не клеймом владения, а записью того первого соглашения, которое он дал девять лет назад.

— Посмотри на меня, — сказала она.

Он поднял лицо.

— Сейчас будет упражнение. Я произнесу три приказа. Два пропущу через Голос, один — нет. Исполни только настоящие.

— А если ошибусь?

— Тогда узнаешь, что ошибка не убивает.

— Это всё наказание?

— Если продолжишь торговаться, добавлю скучную лекцию Ирис.

В переговорном камне возмущённо щёлкнуло.

Мира отошла на шаг.

— Встань.

Она не вложила в слово силу.

Фрой дёрнулся, но остался на колене.

— Хорошо, — сказала она.

Похвала прошла по нему заметной дрожью.

— Закрой глаза.

Голос лёг под кожу. Фрой закрыл глаза.

— Поцелуй мою руку.

Без силы.

Он наклонился, почти коснулся губами её пальцев — и остановился. Дыхание обожгло кожу.

— Хорошо.

— Это жестоко, — прошептал он.

— Да.

— Ещё.

Мира почувствовала, как слово ударило по ней. Он попросил. Не спрятал желание за её приказом.

Она подняла его лицо двумя пальцами.

— Встань и возьми меня за талию.

Голос.

Фрой поднялся. Его руки легли на неё. Осторожность была мучительной: он мог раскрошить камень, но держал её так, словно боялся оставить след.

— Сильнее, — сказала Мира без силы.

Пальцы не сжались.

— Хорошо.

Она приблизилась. Ошейник оказался у её губ. Она поцеловала металл, и Фрой тихо, непроизвольно застонал.

— Это не награда, — сказала Мира.

— Тогда что?

— Данные. Мне нужно знать, способен ли ты слышать меня сквозь своё желание.

— А если не способен?

— Я сниму ошейник.

Его руки сжались на её талии прежде, чем она успела отдать приказ.

Мира посмотрела вниз.

Он сразу отпустил.

— Простите.

— Не извиняйся. Ты сделал выбор.

— Я нарушил правило.

— Какое?

Фрой открыл рот и не нашёл ответа.

В этот момент из глубины монастыря донёсся звук аплодисментов.

Медленный. Один человек.

В дверях появился мужчина в белой маске.

— Девять лет, — сказал Регент, — и ты всё ещё обучаешь дракона азам желания.

Фрой заслонил Миру.

Адриан Рейнер развёл руки.

— Не бойся, прекрасное чудовище. Я пришёл предложить то, чего она никогда тебе не даст.

— Что же? — спросил Фрой.

— Покой.

Глава 5

Город, который он сжёг

Регент не изменился за девять лет.

Та же высокая фигура, белые перчатки, длинный сюртук с серебряным шитьём. Та же маска без выражения — только две тёмные прорези и тонкая золотая трещина от лба к губам. Адриан любил говорить, что лицо мешает власти: люди ищут в нём сомнение.

Мира сомнения слышала.

Оно жило в его голосе второй нотой, глубже самоуверенности. Не страх перед Фроем. Страх перед тем, что Фрой однажды выберет не его.

— Ты плохо умер, — сказала Мира.

— А ты плохо скорбела.

— Я не скорбела.

— Знаю. Поэтому и вернулся.

Фрой сделал шаг. Камень под человеческой ногой треснул; облик уже не удерживал то, что расправлялось внутри него.

— Отойдите от неё.

— Слышишь, Мира? Даже предупреждение он обращает к тебе. Ему нужно, чтобы ты присутствовала в каждом его

глаголе.

— Фрой, — сказала она, — не слушай.

Регент рассмеялся.

— И она запрещает тебе слушать. Как предусмотрительно.

Мира почувствовала, как Фрой пытается угадать правильную реакцию. Это было почти физически видно: плечи застыли, пальцы сжались, взгляд метнулся к ней. Регент говорил правду не для того, чтобы убедить. Он находил правду, которой можно было резать.

— Ты предложил покой, — сказал Фрой. — Говори.

Мира не остановила его.

Адриан повернул ладонь. Над ней появилась чёрная искра. Искра выросла в маленький город — башни, мосты, тысячи огней. Западный склон Весперы до пожара.

— Посмотри, — сказал Регент.

Миниатюрный дракон пролетел над крышами. Он был похож на Фроя только общими очертаниями: ещё без ошейника, без человеческого имени, весь из огня и ярости. За ним тянулись облака чёрного пламени. Дома вспыхивали не снаружи — огонь рождался в голосах людей, вырывался изо рта и пожирал тело.

Мира знала эту запись. Но никогда не видела её целиком.

— Выключи, — сказал Фрой.

Регент словно не услышал.

Маленький Западный склон кричал. Восемь тысяч голо-

сов слились в один. Дракон кружил над ними, пил ужас и становился сильнее.

— Выключи.

— Ты помнишь, почему начал? — спросил Адриан.

Фрой согнулся. Человеческая кожа почернела вдоль позвоночника.

— Не надо, — сказала Мира.

— Конечно, она не рассказывала, — продолжал Регент.

— В её версии чудовище сошло с ума, а благородная наследница остановила его. Но сначала был приказ.

Мира похолодела.

— Адриан.

— Твой отец сказал ему: «Защити город любой ценой».

Очень удобные слова. Когда мятежники взяли Западный склон, Фройдагойл исполнил их буквально.

Фрой посмотрел на Миру.

— Вы знали?

Она могла солгать. Связь выдала бы ложь раньше голоса.

— Да.

— С самого начала?

— Да.

— Почему не сказали?

— Потому что ты пришёл ко мне, покрытый пеплом детей, и просил лишить тебя выбора. Если бы я сказала, что первым приказал мой отец, ты бы сделал его виноватым вместе себя. Или меня вместо него. Ты был не способен вынести

сложную правду.

— А теперь способен?

Мира посмотрела на его дрожащие руки.

— Не знаю.

Регент сомкнул пальцы. Горящий город исчез.

— Вот её любовь, Фройдагойл. Она выдаёт правду дозами, как яд. Ровно столько, сколько считает для тебя безопасным.

— А ты предлагаешь что? — спросил Фрой.

— Один приказ. Последний. Я скажу, кем тебе быть, и больше ты никогда не ошибёшься.

— Кем?

— Моим огнём.

В зале разом заговорили каменные монахи. Сотни голосов хлынули из их ладоней:

— Преклонись.

Фрой упал на одно колено.

Мира почувствовала чужую силу в своей связи. Она вошла через ошейник, перебирая руны, как вор — ключи.

— Фрой, встань.

Он попытался. Мышцы напряглись, но Хор давил сверху голосами мёртвых господ, забытых богов, её отца.

— Защити город любой ценой, — произнесла одна ладонь.

Фрой вскрикнул.

Облик человека разлетелся. Дракон заполнил площадь,

ударил крыльями по колоннам. Чёрный огонь вырвался из пасти и пополз к Миру.

Мира не отступила.

— Смотри на меня.

Огонь остановился у её ног.

— Я не могу, — прорычал Фрой.

— Можешь.

— Прикажете сильнее!

Вот чего ждал Регент. Чтобы она соревновалась с Хором, затянула ошейник, сделала Фроя ареной двух чужих воль.

Мира сняла перчатку.

— Нет.

Она вошла в огонь.

Платье загорелось по краю. Кожа на ладони покрылась волдырями. Фрой отшатнулся, пытаясь убрать пламя, но Мира приблизилась и положила руку ему на морду.

— Я не прикажу тебе победить это, — сказала она. — Выбери меня. Или его. Или никого.

— Мира...

— Выбери.

Он закрыл глаза.

Огонь втянулся обратно в пасть. Фрой рухнул на камень. По пластинам прошли красные трещины.

Регент перестал хлопать.

— Какая красивая ошибка, — сказал он. — Вы оба думаете, что выбор делает желание чистым.

Белая маска дрогнула и рассыпалась серебряной пылью.
Перед ними всё это время стояла проекция.

— Через три недели, — донёсся голос со всех сторон, —
Вespera попросит меня решить за неё.

Потом монахи упали.

Фрой долго лежал неподвижно. Мира опустилась рядом,
но он отвернул голову.

— Ты выбрал, — сказала она.

— Я выбрал не сжечь вас.

— Для начала неплохо.

— Не касайтесь меня.

Мира застыла.

Это было его первое настоящее «нет».

Оно причинило ей боль.

И именно поэтому она подчинилась.

Интерлюдия I

Пепел

Девять лет назад Фрой не умел стоять на коленях в человеческом облике.

У него ещё не было человеческого облика.

Он лежал на площади Западного склона, огромный и обгоревший, прижимая морду к расплавленной мостовой. Чёрный огонь продолжал выходить из ноздрей с каждым дыханием. Вокруг падал пепел. Некоторые хлопья были слишком тяжёлыми и красными, чтобы Мира могла считать их пеплом.

Люди стояли за линией стражи. Они хотели смерти дракона. Мира слышала желание тысячами отдельных голосов, но вместе они сливались в единственный приказ: «Убей».

Фрой слышал тоже.

— Исполни, — сказал он.

— Я тебе ничего не приказывала.

— Они приказали.

— Они тебе не господа.

Он поднял голову. В красно-золотых глазах не было ярости — только непонимание существа, которое триста лет принимало громкость за право.

— Город — мой господин.

— Город сейчас хочет, чтобы ты умер. Пять часов назад хотел, чтобы ты спас его любой ценой.

— Я исполнил.

— Да.

Мира не сказала «это не твоя вина». Ложь была бы милосерднее, но Голос в ней не позволял лгать рядом с существом, открытым до основания.

— Я слышал детей, — сказал Фрой. — Они просили остановиться. Но приказ был громче.

По толпе прошёл крик. Кто-то бросил серебряный нож. Он ударил дракона под глазом и отскочил. Фрой не моргнул.

— Пусть, — сказал он. — Пусть режут.

— Ты думаешь, если достаточно пострадаешь, погибшие перестанут быть погибшими?

— Нет.

— Тогда зачем?

Он долго искал ответ.

— Чтобы у боли был правильный адрес.

Мире было девятнадцать, и она уже знала, насколько соблазнительна эта мысль. Сделать одного виновного, собрать на нём всю боль, наказать — и получить мир, который снова выглядит упорядоченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.